

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Левъ Шестовъ и Киркегаардъ

Книга Л. Шестова о Киркегаардѣ*), прекрасно переведенная на французскій языкъ, — быть можетъ лучшая изъ его книгъ. Она написана блестяще, какъ и большая часть книгъ этого автора. Въ ней основана мысль его выражена наиболее концентрированно и съ наибольшей ясностью, если впрочемъ, можно требовать ясности отъ мыслителя, который отрицаетъ мысль и борется противъ познания. Формальный недостатокъ книги въ утомительно частомъ повтореніи одного и того же, однихъ и тѣхъ же фразъ, выражающихъ повидимому самое важное для автора. Я считаю Л. Шестова очень замѣчательнымъ и оригинальнымъ мыслителемъ и очень цѣню его проблематику, очень сочувствую его борьбѣ противъ власти «общаго» надъ человѣческой жизнью, борьбѣ противъ необходимости, его жаждѣ свободы. Но богата и пространна лишь его отрицательная философія, его положительная философія бѣдна и коротка: она могла бы вмѣститься на полстраницѣ. Иначе и быть не можетъ, — то, чего онъ хочетъ, не мо-

жетъ быть выражено въ мысли и словѣ, это чистая апокатика. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ остается на территоріи мышленія и разума. Въ книгѣ о Киркегаардѣ я даже нахожу цѣлую космогонію, хотя и кратко выраженную. Это вѣстакі конструкция ума, хотя въ основаніи этой конструкціи лежитъ трагическій опытъ жизни самого Л. Шестова и его любимыхъ героевъ. Какъ и слѣдовало ожидать, по книгѣ Л. Шестова нельзя узнать самого Киркегаарда, узнается лишь авторъ книги. Киркегаардъ лишь прекрасный поводъ для развитія темъ, которая его самого мучитъ и которой онъ посвящаетъ все свое творчество. Многого у Киркегаарда онъ не замѣчаетъ. Но Киркегаардъ ему особенно близко, онъ потрясенъ его судьбой и встрѣча съ нимъ для него важное событіе. Л. Шестовъ — экзистенціальный философъ. Но экзистенціальная философія, т. е. философія обращенная къ субъекту, а не къ объекту, не можетъ быть только разсказомъ о пережитыхъ человѣческихъ несчастіяхъ. Пережитая трагедія можетъ быть точникомъ познания, но сама пережитая трагедія не есть еще философія, философское познаніе есть актъ осмысливанія, совер-

*) Léon Chestov. Kierkegaard et la philosophie existentielle. Librairie J. Vrin. Paris. 1936.

шенный мыслителемъ въ отноше-
ніи къ пережитой трагедіи. Л. Ше-
стовъ отрицаетъ этотъ познава-
тельный актъ, какъ вынужденіе
древняго змія. Но по непослѣдо-
вательности онъ его все-таки со-
вершаетъ и это его спасаетъ,
какъ мыслителя. Трудности, кото-
рыя стоятъ передъ Л. Шестовымъ,
когда онъ хочетъ выразить свою
тему, такъ велики, что онъ мог-
ли бы сдѣлать его положеніе,
какъ философа, безнадежнымъ.
Онъ можетъ быть принужденъ
былъ бы умолкнуть. Но все это
сглаживается въ книгахъ Л. Ше-
стова и получается даже иллюзія
ясности. Это объясняется литера-
турнымъ талантомъ Л. Шестова,
ироніей, къ которой онъ постоянно
прибѣгаетъ въ своемъ изло-
женіи, и своеобразнымъ подкупа-
ющимъ лиризмомъ, необычайной
чувствительностью, сообщающей
его писаніямъ особенную чело-
вѣчность. Только на эмоціональ-
номъ языкѣ понятно то, что онъ
говоритъ, на языкъ же интеллек-
туальный, который впрочемъ Л.
Шестову очень свойственъ, съ
трудомъ переводимо. Нельзя от-
дѣлаться отъ впечатлѣнія, что
Л. Шестовъ прежде всего борется
съ самимъ собой, съ собствен-
нымъ рационализмомъ, собствен-
ными рационалистическими пре-
пятствіями для вѣры. И онъ хо-
четъ убѣдить насъ, что у всѣхъ
тѣ же рационалистическія препят-
ствія, что все находится во вла-
сти змѣннаго разума. Это можетъ
показаться убѣдительнымъ пото-
му, что онъ имѣетъ дѣло почти
исключительно съ философами,
людьми познанія и съ ними бо-
рется, онъ не обращается къ сан-
дѣтелямъ вѣры. Въ сущности ше-
стовская мысль очень деспотич-

на. Деспотичность мысли есть все-
гда результатъ двучленнаго дѣ-
ленія міра и направленія мысли.
Одинъ членъ этого дѣленія есть
темное царство — греческая фи-
лософія, Сократъ, Аристотель,
Спиноза, Кантъ, Гегель, позна-
ніе, разумъ и мораль, общеобяз-
ательныя истины, необходимость.
Другой членъ дѣленія есть свѣт-
лое царство — Библия, вѣрнѣе
нѣкоторыя слова Библии, Терту-
лианъ, Паскаль, Лютеръ, Ницше,
Достоевскій, Киркегаардъ, вѣра,
неограниченныя возможности «по
ту сторону добра и зла», жизнь,
свобода. Для темнаго царства ра-
зума, морали и познанія въ сущ-
ности спасенія нѣтъ, его нѣтъ по-
чти для всѣхъ философовъ, для
величайшихъ изъ нихъ. Когда я
читалъ послѣднюю книгу Л. Ше-
стова, очень волнующую книгу,
у меня было мучительное впечат-
лѣніе, что она вся построена
условно и что авторъ не убѣж-
денъ въ реальномъ существован-
ніи этого условія. Если есть Богъ,
то существуютъ неограниченныя
возможности, то однажды быв-
шее — оравленіе Сократа, про-
грессивный параличъ у Ницше,
лишеніе невѣсты у Киркегаарда
— можетъ стать невышимъ. То-
гда возможна побѣда надъ необ-
ходимостью, калѣчащей нашу
жизнь, возможна свободная и рай-
ская жизнь. Но мысль Л. Шесто-
ва носитъ особенно трагическій
характеръ потому, что Богъ, для
котораго все возможно, который
выше всякой необходимости и
всѣхъ общеобязательныхъ истинъ,
остается условной гипотезой. Богъ
постулируется для спасенія отъ
власти разума и морали, подоб-
но тому какъ Кантомъ онъ по-
стулировался для спасенія мора-

ли. Л. Шестовъ силенъ своимъ отрицаніемъ, а не своимъ утвержденіемъ, своей тоской по вѣрѣ, а не своей вѣрой. Книги его скорѣе оставляютъ впечатлѣніе, что послѣднее слово принадлежитъ разуму, общеобязательнымъ истинамъ, морали, необходимости, невозможности освобожденія отъ мученій для Ницше и Киркегаарда.

Главное для Л. Шестова вѣра. Въ этомъ онъ близокъ къ Лютеру. Грѣху противоположна не добродѣтель, а вѣра. Только вѣра можетъ спасти, только вѣра въ Бога, для котораго все возможно, который не связанъ никакой необходимостью, можетъ вернуть юву его быковъ и его дѣтей, Аврааму Исаака, Киркегаарду Регину Олсенъ и пр. Вѣѣ вѣры нѣтъ спасенія отъ власти необходимости. Но какъ возможна вѣра и у кого она есть? Читая Л. Шестова, остается впечатлѣніе, что вѣра невозможна и что ея ни у кого не было, за исключеніемъ одного Авраама, который занесъ ножъ надъ своимъ любимымъ сыномъ Исаакомъ. Л. Шестовъ не вѣритъ, что есть вѣра у такъ называем. «вѣрующихъ». Ея нѣтъ даже у великихъ святыхъ. Вѣѣ никто не динжетъ горами. Вѣра не зависитъ отъ человѣка, она посылается Богомъ. Богъ же никому почти не даетъ вѣры, Онъ не далъ ея Киркегаарду, не далъ ни одному изъ шестовскихъ трагическихъ героевъ. Единственный путь оказывается закрытымъ. Л. Шестовъ составилъ себѣ максималистическое понятіе о вѣрѣ, при которомъ она дѣлается невозможной и ея ни у кого нѣтъ. На это покаяніе вѣры не соответствуетъ всѣмъ величайшимъ сви-

дѣтельствамъ о вѣрѣ въ исторіи человѣческаго духа, свидѣтельствамъ Ап. Павла, всѣхъ апостоловъ и святыхъ, пророковъ и релігиозныхъ реформаторовъ. Для Л. Шестова вѣра есть конецъ человѣческой трагедіи, конецъ борьбы, конецъ страданіямъ, наступленіе неограниченныхъ возможностей и райской жизни. Это есть ошибочное пониманіе вѣры и для многихъ оно является предлогомъ, оправдывающимъ невѣріе. Вѣра есть не конецъ, не райская жизнь, а начало труднаго пути, начало героической борьбы, которой Л. Шестовъ не хочетъ. Вѣрующій продолжаетъ нести на себѣ тяжесть міровой необходимости, раздѣляетъ тяжесть невѣрующихъ. Вѣрующій проходитъ черезъ испытанія, сомнѣнія, раздвоенія. Человѣческая природа остается активной, а не пассивной. Л. Шестовъ составилъ себѣ такое пониманіе вѣры потому, что онъ связываетъ райское блаженство съ пассивностью человѣческой природы. Активность человѣческой природы для него есть разумъ, знаніе, мораль. Свобода получается лишь отъ Бога, человѣкъ тутъ ни при чемъ, онъ лишь пользуется и наслаждается свободой, созерцаетъ утреннюю звѣзду, соединяется въ любви съ принцессой. Ничто такъ не отталкиваетъ Л. Шестова, какъ героизмъ. Пассивность человѣческой природы въ отношеніи къ Богу есть всегда одна изъ формъ квиетизма. Л. Шестовъ призываетъ къ Библии и откровенію, чтобы освободить человѣка отъ власти Сократа и греческой философіи, власти разума и морали, общеобязательныхъ истинъ. Но изъ Библии беретъ онъ лишь тѣ,

что ему нужно для его темы. Онъ не библейскій человекъ, онъ человекъ конца XIX и начала XX вѣка. Ницше ему ближе Библия и остается главнымъ влияніемъ его жизни. Онъ дѣлаетъ библейскую транскрипцію ницшевской темы, ницшевской борьбы съ Сократомъ, съ разумомъ и моралью во имя «жизни». Библия для него почти исчерпывается сказаніемъ о грѣхопадении, Авраамомъ и Иовомъ. Онъ какъ будто забываетъ, что главная, центральная фигура библейскаго откровения не Авраамъ, а тотъ, кто говорилъ лицомъ къ лицу съ Богомъ, — Моисей. Но библейское откровение Бога черезъ Моисея, которое составляетъ основу юдаизма и христіанскаго Ветхаго Завѣта, есть откровение закона, десяти заповѣдей. Совершенно ясно, что Моисей Л. Шестову не годится, онъ не его человекъ, онъ охотно его помѣститъ въ линію Сократа. А между тѣмъ, что же можетъ быть болѣе библейскаго, чѣмъ Моисей? Авраамъ, занесшій ножъ надъ любимымъ сыномъ, и для Киркегаарда и Л. Шестова едвали литературный образъ, иллюстрирующій ихъ тему о вѣрѣ, какъ сферѣ неограниченныхъ возможностей. Образъ Авраама потрясающій, но въ немъ открылись еще первобытныя вѣрованія объ умилостивленіи Божества человѣческими жертвоприношеніями.

Въ чемъ же основная идея Л. Шестова, если позволительно говорить объ идеяхъ въ приѣмномъ къ нему? Эта идея выражена въ послѣдней книгѣ съ большимъ талантомъ и блескомъ, съ большой силой сосредоточенности. Л. Шестовъ рассказываетъ

свой мнѣн о міротвореніи и грѣхопадении. Это дѣлая сжатая космогонія, Богъ абсолютно свободный, никакими вѣчными истинами не связанный, для котораго все возможно, сотворилъ міръ и человека. И все было «добро эда». Бытіе отъ Бога, мировая и человѣческая жизнь отъ Бога прекрасны. Жизнь была райская. Райская жизнь была питаніемъ отъ древа жизни. Но вотъ изъ бездны небытія пришелъ змій и голосъ змія заворожилъ человека. Онъ соблазнилъ человека плодомъ съ древа познанія добра и зла. Знаніе овладѣваетъ міромъ и рай кончился, начался ужасъ и страданіе. Бездна небытія (néant) черезъ соблазнъ знанія превращается въ необходимость (вѣчныя истины знанія), необходимость превращается въ разумъ и мораль, разумъ и мораль превращаются въ вѣчность. Л. Шестовъ врагъ вѣчности, видитъ въ ней послѣднее превращеніе небытія. Вѣчность отъ змія, а не отъ Бога. Онъ также врагъ духа и мистики. Вѣчность, духъ, мистика, иной міръ все это фиктивные выдумки разума вслѣдствіи потери единственной реальности этой земной жизни, сотворенной Богомъ. Л. Шестовъ врагъ вѣчности потому, что подъ вѣчностью онъ понимаетъ вѣчныя истины разума, вѣчные законы природы, т. е. необходимость. Ну а какъ же быть съ вѣчной жизнью конкретныхъ живыхъ существъ, вѣчной жизнью Иова, Сократа, несчастнаго Ницше и несчастнаго Киркегаарда и самого Л. Шестова? Вражда къ этой вѣчности была бы признаніемъ смерти послѣднимъ словомъ жизни. Но какая же райская жизнь при торжествѣ смерти.

Такъ и съ враждой Л. Шестова къ духу. Онъ понимаетъ подъ духомъ разумъ и порождаемую имъ необходимость. Но подъ духомъ можно понимать свободу, освобождение отъ царства необходимости и это единственное вѣрное пониманіе. Какъ это ни странно, но у Л. Шестова можно открыть очень сильный элементъ манихейства. Для него міръ находится въ безраздѣльной власти змія. Міромъ править необходимость, которая есть трансформация небытія, т. е. міромъ править змій, править черезъ разумъ съ его непреложной истиной и добромъ. Нигдѣ и ни въ чемъ не видно, чтобы въ мірѣ дѣйствовала Богъ. Богъ дѣйствуетъ исключительно черезъ вѣру, но, какъ мы уже видѣли, и вѣры по настоящему ни у кого нѣтъ. Свободы нигдѣ найти нельзя. Высшая точка міровой жизни — мученіе и корчи человѣка, отчаяніе такихъ людей, какъ Киркегаардъ. Никакого пути для Л. Шестова не раскрывается. Всякій путь принадлежитъ царству обыденности. Интересно выкинуть, что разумеетъ Л. Шестовъ, когда говоритъ о Богѣ. Въ его книгѣ о Киркегаардѣ это почти совершенно выясняется. Богъ есть неограниченныя возможности и эти неограниченныя возможности нужны для исполненія человѣческихъ желаній, для того, чтобы сдѣлать великія несчастья, пережить человѣкомъ, небывшими. Богъ есть возвращеніе любимаго сына Исаака Аврааму, воловъ и дѣтей Іову, возвращеніе здоровья Ницше, Регины Олсенъ Киркегаарду, Богъ есть то, чтобы бѣдный юноша, мечтавшій о принцессѣ, получилъ принцессу, чтобы подпольный че-

ловѣкъ «пилъ чай» (смѣру не быть или мнѣ чаю не пить»). Но почему Л. Шестовъ такъ увѣренъ, что Богъ абсолютно свободный (свобода Бога почти отождествляется съ произволомъ) хочетъ вернуть Регину Олсенъ Киркегаарду и дать принцессу бѣдному мечтательному юношѣ? А можетъ быть Богъ этого совсѣмъ не хочетъ и предпочитаетъ, чтобы Киркегаардъ лишился невесты, а бѣдный юноша не получилъ принцессы? Въ этомъ случаѣ тѣтныя надежды Киркегаарда и Л. Шестова на Бога. Въ числѣ неограниченныхъ возможностей Бога входитъ и та возможность, что Богъ не хочетъ, чтобы Киркегаардъ обладалъ Региной Олсенъ, а бѣдный юноша принцессой. Очень возможно, что это не змій, не необходимость, не разумъ и знаніе, не Гегель, а Богъ лишить Киркегаарда Регины Олсенъ. Я даже позволяю себѣ думать, что можетъ быть это не такъ ужъ плохо. Регина Олсенъ вѣроятно была самой обыкновенной мѣщанкой и при счастливой семейной жизни Киркегаардъ можетъ быть произносить бы добродѣтельныя пасторскія проповѣди и писалъ бы банальныя богословскія книги, но мы не имѣли бы его гениальныхъ твореній и Л. Шестовъ не имѣлъ бы случая написать о немъ прекрасную книгу. «Жизнь», столь плѣняющая врага разума и знанія, духа и вѣчности, совсѣмъ не такая прекрасная вещь. Богъ не есть исполненіе человѣческихъ желаній, Богъ вѣроятно что-то совсѣмъ другое. Да и вопросъ о желаніяхъ сложенъ. Одинъ бѣдный юноша мечталъ о принцессѣ. Объ этомъ Л. Шестовъ тысячу

разъ повторяеть въ своей книгѣ и на этомъ строитъ свое богопознаніе. Но вотъ есть другой бѣднѣйшій юноша. Онъ мечтаетъ о познаніи тайнъ бытія или о научныхъ открытіяхъ тайнъ природы. Оказывается, что Богъ не можетъ удовлетворить желаній этого юноши, ихъ можетъ удовлетворить лишь змій, ибо знаніе отъ змій, а не отъ Бога. Л. Шестовъ не замѣчаетъ, что онъ этимъ страшно ограничиваетъ свободу Бога и его возможности. Все у него основано на идеализации и апофеозѣ жизни, въ этомъ отношеніи онъ въ линіи Lebensphilosophie. Клагесь, у котораго нѣтъ значительности шестовской религиозной проблематики, тоже хочетъ исключительно питанія отъ древа жизни и видитъ въ духѣ и разумѣ паразитовъ, высасывающихъ соки жизни. Но жизнь есть все. Почему знаніе не есть жизнь? Знаніе есть тоже часть жизни. Оно есть событие въ бытіи. И юноша, мечтавшій о знаніи, не хуже юноши, мечтавшего о прицессѣ.

Въ книгѣ о Киркегаардѣ быть можетъ впервые у Л. Шестова есть неприятныя страницы о христіанствѣ. Христіанство попадаетъ въ линію Сократа, стоицизма, идеализма, т. е. въ линію змій, въ линію небытія, превращающагося въ разумъ и мораль, въ вѣчность. Л. Шестову совершенно чужда тайна искупленія, для него искупленіе есть выдумка разума. Онъ забываетъ, что крестъ былъ для іудеевъ соблазнъ, для эллиновъ безуміе. Вопреки Л. Шестову для разума легче всего признать Бога всемогущимъ, для котораго все возможно, и очень трудно признать Бо-

га страдающаго и распятаго. Для Л. Шестова ничего не говорить божественная жертва любви, божественное распятіе, ему это кажется ограниченіемъ свободы и всемогущества Бога. Это у него есть наслѣдіе юдаизма. Для Л. Шестова непріемлемо вочеловѣченіе Бога. Богъ сталъ человѣкомъ — ему это кажется приемлемымъ для разума и выдуманымъ разумомъ, въ то время какъ для разума это непостижимая тайна и парадоксъ. Да простить мнѣ борець противъ разума, но я здѣсь вижу въ немъ рационалиста. Какъ это ни странно, но Л. Шестовъ видитъ въ религіи, особенно христіанской религіи, «опіумъ для народа», замаскированныя разумъ и мораль, укрѣпляющіе обыденность черезъ обѣтованіе выдуманной вѣчности, выдуманнаго духовнаго міра. Остаются наиболее непонятымъ, какъ рѣшаетъ Л. Шестовъ вопросъ о смерти, который всегда его беспокоилъ. Является ли конечнымъ существованіе конкретного существа? Отрицаетъ ли Л. Шестовъ лишь вѣчныя истины разума и морали или отрицаетъ также вѣчную жизнь? Это основной вопросъ. Какъ быть съ безконечными стремленіями человѣка? На что можно надѣяться? На то, что Богъ есть неограниченныя возможности. Но вѣдь Киркегаардъ умеръ, не получивъ Регины Олсенъ, Нише умеръ, не излѣчившись отъ ужасной болѣзни и не вкусивъ по настоящему плодовъ отъ древа жизни, Сократъ отравленъ и дальше ничего. Всѣ мы умремъ безъ исполненія нашихъ безконечныхъ желаній, не вкусивъ въ полномъ плодѣ древа жизни. Никто въ рай не попадетъ

на этой землѣ, въ этомъ времени. Какой смыслъ имѣютъ шестовскіе призывы къ Богу, которому все возможно, который можетъ избавить Киркегаарда отъ мученій, если Богъ не даетъ воскресенія къ вѣчной жизни? Шестовская борьба противъ разума и этики оказывается столь же безсильной передъ трагической судьбой человѣка, какъ и разумъ и этика. Повторяю, я бываю часто вмѣстѣ съ Л. Шестовымъ въ его проблематикѣ, въ его возстаніи противъ власти «общаго», выдуманнаго разумомъ и этикой, надъ человѣческой судьбой. Но Л. Шестовъ проповѣдуетъ пассивность человѣка. Человѣкъ для него грѣховенъ, но не виновенъ, поэтому безответственъ, поэтому и пассивенъ. Активенъ лишь Богъ, но Богъ ничѣмъ себя не обнаруживаетъ въ мірѣ. Знаніе

вѣдь есть одно изъ проявленій человѣческой активности. Разумъ можетъ быть порабителемъ человѣка, но можетъ быть и слугой человѣка. Не отъ знанія произошло несчастье человѣка и міра, совсѣмъ неправдоподобно, что оно произошло отъ знанія. Знаніе познаетъ необходимость, но не оно создаетъ ее. Необходимость есть порожденіе объективизации. Главный философскій недостатокъ Л. Шестова я вижу въ томъ, что онъ не устанавливаетъ различія въ формахъ и въ степеняхъ знанія. Онъ также вѣритъ въ каеолоичность и однородность разума, какъ и его рационалистическіе защитники, въ то время какъ разумъ измѣнчивъ, разнокачественъ и отражаетъ качественныя состоянія человѣка и отношенія человѣка къ человѣку.

Николай Бердяевъ.

Проблемы современности

I. ПРОГРЕССЪ И КУЛЬТУРА.

Въ статьѣ С. Штейна «Кризисъ исторической науки»*) дана убійственная и исчерпывающая вопросъ критика науковѣрческой теории прогресса, какая господствовала въ XIX вѣкѣ. Значить-ли это, что вопросъ о прогрессѣ вообще имъ исчерпанъ? «Прогрессъ» — слово имѣющее различныя значенія. Мы говоримъ: «болѣзнь прогрессируетъ» тогда, когда болѣзному не лучше, а хуже. «Прогрессъ» — буквально значить движеніе впередъ, къ такой-то цѣли. Когда болѣзнь докарала больно-

го, она достигла высшей точки своего развитія, высшей степени «совершенства», осуществила свою «идею». Науковѣрие XIX в. вѣрдыко путало то, что «прогрессируетъ» съ субъектомъ прогресса (или «эволюціи») и склонно было считать, что всякое «усовершенствованіе» въ любой сферѣ жизни служить въ пользу «прогресса» вообще, является признакомъ необходимаго, автоматическаго «движенія исторіи впередъ». Основываясь на этомъ, легко было классифицировать отдѣльныя явленія по признаку ихъ большаго или меньшаго «совершенства» какъ «типы», выразители отдѣльныхъ «стадій прогресса». Отсюда

*) Собр. Зап. кн. I, XI.